

УДК 821.512.31

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-2-12-16

ЭТНОПОЭТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОЗЫ К. ЦЫДЕНОВА© *Булгутова Ирина Владимировна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: irabulgutova@mail.ru

В статье исследуются этнопоэтические традиции в прозе К. Цыденова, определяются мировоззренческие аспекты, сформированные в контексте национальной культуры. Устанавливается специфика прозы К. Цыденова, воплощение в ней закономерностей литературного процесса 60-х гг. XX в.: усиление субъективного начала, внимание к личности, интерес к национальной картине мира. Выявляются роль и значение национальных традиций в решении нравственной проблематики при освоении писателем сюжета о дезертире, прослеживаются мотивы и образы, выражающие традиционные верования бурят, в частности, буддийские воззрения. Определяются закономерности формирования авторской позиции, выявляются интерес к личности, воплощение особенностей национального характера в художественных образах. Устанавливается роль традиционных ценностных представлений в авторской концепции человеческой жизни, взаимодействия человека и природы, а также стилевые особенности прозы К. Цыденова.

Ключевые слова: национальные традиции; национальный характер; ценностная картина мира; нравственная проблематика; лирическое начало.

В литературе Бурятии в 60-х гг. XX в. происходят процессы, отражающие общие закономерности развития литературы всей страны периода оттепели, что ярко воплотилось в творчестве бурятского писателя Кима Цыденова (1937–1971). Это, прежде всего, поворот к человеку, интерес к отдельной личности, ее внутреннему миру, отход от открытой декларативности и навязывания идеологически однозначной позиции. Ким Цыденов, будучи многогранно одаренным творческим человеком, сумел внести свой вклад в развитие бурятской литературы и как талантливый прозаик. Его произведения воплотили интерес к переживаниям отдельно взятого человека, в их центре — самобытный герой с четко выраженным самосознанием, которое сформировано в контексте национальных традиций. Писатель отразил ценностную картину мира бурятского народа, особенности национального характера, правдиво изображая реалии будничной повседневной жизни с ее неспешным ритмом.

В рассказе К. Цыденова «Эсэгын нэрэ» (Имя отца) проявится нравственная проблематика и раскроется через призму традиционных ценностных представлений бурятского народа. Не случайно эпиграфом взята пословица: «Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухара» (Лучше сломать кости, чем «сломать» имя). Утверждение высшей ценности имени происходит в рамках традиционных морально-нравственных установок и народной символики, в которой имя означает сложившееся общественное мнение о человеке, оценку его поведения, поступков, деятельности с точки зрения других. Рассказ был напечатан в 1961 г., в нем писатель открывает морально-нравственный потенциал сюжета о дезертире, который

потом воплотится в произведениях Б. Ябжанова, Д. Эрдынеева, станет в центре романа В. Распутина «Живи и помни».

Для К. Цыденова, в первую очередь, было важно переосмысление своей жизни самим дезертиром Жабхандаем, который, вернувшись домой, вынужден прятаться в подвале родного дома. Событие это отразилось в поэтике повествования: если в начале рассказа предстает внутренняя точка зрения его жены Янжамы, то в середине повествования внимание писателя целиком сосредоточено на переживаниях Жабханда. «О, ямараар мүнөө Жабхандайда дээшээ гүйжэ гараад, Балжанаа тэбэрихэ, бажууха, балбаха, булсагар улаахан хасарнуудын таалаха хүрэнэб даа! Теэд тиигэхэ аргагүй, Балжаниинь эсэгынгээ хаанашьехые мүнөө мэдэхэ ёногүй...» [1, с. 58] (О как сильно хочется сейчас Жабхандаю выскочить наверх и прижать к себе, обнять сына Балжана, приласкать его пухлые красные щечки! Но нельзя этого делать. Балжан не должен знать, где находится его отец). Герой постепенно сам осознает пагубность своего поведения, хотя не слышит ни одного слова упрека от жены.

Писателем последовательно выдержан национальный женский характер в образе сдержанной, немногословной Янжамы. О том, что Жабхандай сдался властям и погиб впоследствии на фронте, сообщается уже по мере включения в фокус повествования точки зрения жены. Морально-нравственные категории человеческого достоинства, совести не проговариваются открыто, но на композиционном уровне очевидно, что Жабхандай, слушая из подпола разговоры и игры детей в доме, осознает ответственность перед сыном за свое доброе имя.

По сравнению с уже упомянутой повестью В. Распутина в рассказе «Имя отца» важно авторское желание раскрыть перед читателем значение национального менталитета, в котором немалую роль занимало буддийское миропонимание. Если В. Распутин фиксирует внимание читателя на противопоставлении Настены с ее мучительной виной за мужа-дезертира жителям родной деревни — она «мечется между двумя берегами как двумя правдами — верностью мужу, хоронящемуся на левом берегу, и принадлежностью той деревенской общности, которая обитает на противоположном правом берегу Ангары. Невозможно Настене соединить два берега — две правды...» [2, с. 273], то для К. Цыденова в рассказе о дезертире подчеркивается, что и в советское время поведением людей руководило религиозное нравственное чувство, которое объединяет всех втянутых в судьбу героя-дезертира и заставляет его добровольно покинуть укрытие, чтобы затем избыть свой грех.

В центре рассказа «Эхо» — неизбежные переживания матери, потерявшей сына на войне, которая не может смириться со своей утратой. Анализ композиции как скрытого уровня выражения авторской позиции очень важен для выявления идейно-художественного смысла произведения. В начале рассказа предстает сон матери, в котором она видит сына живым, и ожившие воспоминания определяют ее последующие поступки. Мотив воскресшей надежды, таким образом, является здесь сюжетообразующим. Образ живого сына не просто берedit материнскую душу, мать как верующий человек хочет узнать, каким было перерождение сына. Весть же, пришедшая во сне, о том, где и как переродился ее сын, побуждает ее к поискам в реальной жизни, и она приходит в чужую семью, надеясь узнать в их ребенке своего сына. «Нет, ничем не напоминает этот пухленький ребенок ее сына! Значит снова обманули ее, старую мать. И вообще, какая глупость думать, что давно погибший сын может находиться здесь!» [1, с. 105]. Ав-

тор утверждает вневременную сущность архетипического образа матери, показывая при этом традиционные представления бурят о человеческой жизни.

Исследователи отмечали особый лиризм рассказов К. Цыденова: «...это интересные лирические этюды молодого писателя о счастье, о людях. К. Цыденов одарен чувством природы, умеет передавать движения души. В его рассказах преобладает лирическая интонация» [3, с. 380]. Лирическое начало выразительно представлено в пейзажных зарисовках, которые являются важной частью прозаических произведений К. Цыденова. Авторское миропонимание имеет своим истоком глубокое постижение народной философии. Так, в рассказе «Хаданууд» (Горы) изображается культовое отношение бурят к миру природы: «Өөһэдөөшье хаданууд бардам дорюуна мэдэрдэг, тэдэнэй түгэлдэр хүсэндэ байгааааишье хүгэдэдэг... Үни урда сагһаа хойшо хүнүүдшье энэ хадануудта хүгэдэн шүтэдэг» (Сами горы будто преисполнены чувствами горделивости и важности, сама природа почитает их великую силу... С давних времен и люди почитают горы) [1, с. 63]. Писатель отразил своеобразие верований бурят, сочетающих древнейший анимизм и буддийские взгляды. Так, в изображении обряда вымаливания дождя на обоо (священном месте) воздаяния духам природы сопровождаются чтением молитв на тибетском языке, т.е. буддийскими текстами. Сложность авторской позиции определяется тем, что художник, выполняя идеологическое «задание» советского писателя, выстраивает в финале публицистическое рассуждение о соотношении веры и научного знания в пользу последнего.

В рассказе К. Цыденова «И маленький серенький козленок» (Жаахан борохон инзаган) поднимается проблема гармонии человека и природы через призму детского восприятия жизни. Бережное отношение к жизни вообще, сформированное в бурятской культуре, прослеживается в описании слитности человека и природы вплоть до полного растворения и отождествления их: «...у меня такое впечатление, что вздрагиваю не я один, а вся окружающая природа: и горы, и лес, и луг у ручья, и даже вода в ключе будто забила быстрее. А эхо, несколько раз повторившееся на выстрел, напомнило мне с болью вырвавшийся из груди тяжелый вздох» [1, с. 215]. Открытие ребенком человеческой жестокости, хищнической природы иных существ совершается в рассказе так, что и сама добыча старшего спутника героя — маленький козленок подспудно вызывает у читателя сравнение-ассоциацию с самим мальчиком, чьи переживания находятся в центре повествования.

Перипетии человеческих судеб и их сложность раскрываются в рассказе «Хээрэ» (На покосе), в котором можно увидеть воплощение бурятского национального характера как в образе старика Намсарая, так и его дочери Сэндэмы, сдержанность и немногословность которых не исключает драматичную подоплеку их жизни. Писатель прослеживает все перипетии внутренней жизни человека, интерес к психологии отдельной личности позволяет раскрыть особенности национального характера, такие черты, как вдумчивость, порой даже созерцательность, склонность к медитации. Как известно, литературе этого периода в целом свойственно было «повышенное внимание к изображению внутренней жизни человека», оно и «обусловило появление в бурятских рассказах современника, изображенного в его повседневной будничной жизни» [4, с. 14]. Эта тенденция проявилась в рассказах писателя, потому что соответствовала характеру мыслей и поступков героев-бурят, их неспешной жизни, овейной национально-ментальной природой.

Прозаические произведения К. Цыденова отразили процесс превращения автором материала собственной жизни, духовного и житейского опыта своих современников в литературу. Так, повесть «Бусахал даа хабар» (Весна возвратится) рассказывает о работе молодого учителя в деревенской школе, что, несомненно, имеет автобиографическую основу. Автор, показывая процесс внутреннего становления личности в субъективированном повествовании, проникает тем самым в сферу сознания и чувств Намжала.

В прозе К. Цыденова часто звучит мотив воспоминаний, возвращения в прошлое, возникают особый лиризм и душевная интонация. В ней частотно повествование от первого лица — от лица ребенка, подростка, юноши или же человека старшего поколения. В сознании героя идет поиск личностной правды, писатель показывает, как человек осознает в своей будничной жизни ее непреходящие ценности: тепло человеческой души, любовь, соучастие и сопереживание. В истории становления и развития личности важное место занимают морально-этические, ценностные представления бурятского народа, в контексте которых ставятся и разрешаются нравственные проблемы. В прозе К. Цыденова органично совмещены интерес к внутренней жизни человека, сфере повседневного быта, жизненных реалий. Ясный и простой слог, лиризм повествования, непреходящий интерес к становлению личности, жизненные истории, осознанные через призму национального мировосприятия, — существенные черты прозы К. Цыденова, чье творчество продолжает привлекать внимание читателей и исследователей.

Литература

1. Цыденов К. Бусахал даа хабар. Зохёолнуудай ном. — Улаан-Үдэ: Буряад-Монгол Ном, 2017. — 512 с.
2. Имixelова С. С. Образ-символ Ангары в прозе В. Г. Распутина // Творческая личность Валентина Распутина: живопись — чувство — мысль — воображение — откровение. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. — С. 267–276.
3. Махатов В. Б. Некоторые вопросы развития прозы // Цыденов К. Бусахал даа хабар. Зохёолнуудай ном. — Улаан-Үдэ: Буряад-Монгол Ном, 2017. — С. 380–387.
4. История бурятской литературы. Т. III: Современная бурятская литература (1956–1995). — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. — 298 с.